

Раздел четвертый

РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

§ 1. Сущность и направления советской философии

1. В литературе по настоящее время прочно удерживается взгляд, согласно которому советская философия была философией марксизма-ленинизма; соответственно, она и могла, с этой точки зрения, существовать только в качестве марксистско-ленинской философии¹.

Это не совсем так. Действительно, с момента создания Советского государства (1922) возникает и советская философия, которая на протяжении нескольких десятилетий существует в форме философии марксизма-ленинизма, или, точнее, *диалектического материализма*. Но в 60-е годы, в обстановке начавшегося кризиса социализма в СССР, в советской философии вызревает новое, «апокрифическое», направление, получившее название *философского сциентизма*. Эта двойственность понятия «советская философия» порождает определенные сложности в осмыслении ее сущности: она то целиком отождествляется с диалектическим материализмом, то объявляется его полной противоположностью. Однако ни в том, ни в другом смысле монолитности среди советских философов не существовало: как диалектические материалисты могли плавно «перетекать» в сторону философского сциентизма, так и «сциентисты» нередко выражали свои идеи в терминах и понятиях диалектического материализма. По большому счету, здесь важна общая тенденция, а она такова, что официальный диалектический материализм оказался в конце концов изгоем советской философии, в то время как философский сциентизм, постепенно набирая силы и утверждаясь в своей теории, все более выходил на путь действительных фи-

¹ См.: Зверде Э. ван дер. Подготовка возрождения: Некоторые мысли о советской историографии философии // *Общественные науки в России*. Серия 3. № 1. – М., 1992. С. 20.

лософских исканий, родственных общеевропейской философской науке.

2. Советский диалектический материализм служил официальной идеологией «партии победившего пролетариата». Однако, как известно, ни Маркс, ни Энгельс данный термин в своих сочинениях не использовали. Они считали себя представителями научного мировоззрения, которое стоит на позициях полного отрицания самостоятельного значения философии. Так, Маркс в «Немецкой идеологии» писал: «Там, где прекращается спекуляция... начинается реальная положительная наука... исчезают фразы о сознании, их место должно занять реальное знание. Когда начинают изображать действительность, теряет свои *raison d'être* самостоятельная философия»¹. Точно так же и Энгельс отмечал, что в настоящее время «из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика»². При этом под диалектикой подразумевалось учение о развитии, понятое в гегелевском смысле. Совершенно очевидно, что оба они даже не помышляли о разработке какого-то особенного диалектического материализма, руководствуясь исключительно той «формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями»³. Правда, Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит о диалектической природе новейшего материализма, однако и здесь он не выходит за пределы представления о диалектике как учения о развитии. Поэтому можно согласиться, что диалектический материализм – «это концепция, по существу своему чуждая философии Маркса»⁴.

а) Впервые термин «диалектический материализм» употребил Плеханов в 1891 г. в работе «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», сведя его значение к материалистическому пониманию истории.

«Материалисты прошлого столетия оставались весьма наивными идеалистами в области истории. Маркс же изгнал идеализм и из этого последнего его убежища. Точно так же, как Гегель, он видел в истории человечества законосообразный процесс, независимый от челове-

¹ Архив К. Маркса Ф. Энгельса. Кн. 1. – М., 1924. С. 216.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – М., 1969. С. 21.

³ Там же. С.

⁴ Jordan Z.A. The Evolution of Dialectical Materialism: A. Philosophical and Sociological Analysis. – N. Y., 1967. P. 15.

ческого произвола; точно так же, как Гегель, он рассматривал все явления в процессе их возникновения и исчезновения; точно так же, как Гегель, он не удовлетворился метафизическим, бесплодным объяснением исторических явлений, и, наконец, точно так же, как Гегель, он старался свести к общему и единому *источнику* все действующие и взаимодействующие силы в общественной жизни. Но он нашел этот источник не в абсолютном духе, а в том самом экономическом развитии, к которому... вынужден был прибегать и Гегель в тех случаях, когда идеализм даже в его сильных и искусных руках оказывался бесильным и негодным оружием. Но то, что у Гегеля является случайной, более или менее гениальной догадкой, становится у Маркса строго научным исследованием»¹.

Таким образом, Плеханов под «современным диалектическим материализмом» имел в виду исключительно *соединение материализма с экономикой*, благодаря чему, на его взгляд, становилось возможным исправление «существенного недостатка» старого, метафизического материализма, а именно «идеализма» в объяснении общественных, социальных явлений, ибо, по его словам, присущее ему «материалистическое понимание природы еще не означает материалистического понимания истории»².

б) Ленин, принявший термин Плеханова, вместе с тем считал, что первый русский марксист неправомерно остановился на разработке только «диалектического *материализма*», т. е., собственно, материалистического понимания истории, не доведя дело до «*диалектического материализма*», т. е. до истолкования самой диалектики как теории познания. Для этого, на его взгляд, необходимо было реконструировать диалектику Гегеля на материалистической основе, выбрав из нее «логические (гносеологические) оттенки, очистив от *Ideenmystik*»³. Сам Ленин выявил в «большой Логике» Гегеля следующие «элементы диалектики»:

«1) *Объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе); 2) вся совокупность многообразных *отношений* этой вещи к другим; 3) *развитие* этой вещи (respective явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь; 4) внутренне противоречивые *тенденции* (и + стороны) в этой вещи; 5) вещь (явление etc.) как *сумма и единство противоположностей*; 6) *борьба* respective раз-

¹ Плеханов Г.В. К шестидесятой годовщине смерти Гегеля // Избр. филос. произв. В 5 т. Т. 1. – М., 1956. С. 444–445.

² Там же. С. 439.

³ Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 29. – М., 1969. С. 238.

вертывание этих противоположностей, противоречивых стремлений etc.; 7) соединение анализа и синтеза, – разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе; 8) отношения каждой вещи (явления etc.) не только многообразны, но и всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *каждой*; 9) не только единство противоположностей, но и *переходы каждого* определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое (свою противоположность); 10) бесконечный процесс раскрытия *новых* сторон, отношений etc.; 11) бесконечный процесс углубления познания человека вещи, явлений, процессов и т. д. от явления к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности; 12) от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей; 13) повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей и 14) возврат якобы к старому (отрицание отрицания); 15) борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания; 16) переход количества в качество и *vice versa*¹.

Исходя из этого, Ленин определяет «вкратце диалектику... как учение о единстве противоположностей»², по существу не оставляя места для сколько-нибудь отчетливого понимания специфики диалектического метода мышления. Все его так называемые «элементы диалектики» носят характер предположительных констатаций, которые с равным успехом могут демонстрировать любые другие познавательные процедуры. Кроме того, вследствие простой «выдернутости» из чужого текста, они даны вне всякого идейно-исторического контекста, что также не могло способствовать их материалистической интерпретации. Но еще более осложнило проблему утверждение Ленина о том, что «умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм»³. Этим фактически размывалось провозглашенное им же самим представление о борьбе материализма и идеализма как устойчивой тенденции в развитии всей мировой философии. Неудивительно, что изданные в 1925 г. его «Философские тетради» внесли только сумятицу в головах малообразованных партийцев, которые жаждали простых и ясных философских ответов на сложные жизненные проблемы. Поэтому в начале 30-х годов с особенной остротой разгораются философские дискуссии относительно предмета марксистско-ленинской философии, конечным результатом которых становится утверждение диалектического материализма в упрощенной сталинской версии.

¹ Там же. С. 202–203.

² Там же.

³ Там же. С. 248.

в) К концу 30-х годов *Иосиф Виссарионович Сталин* (1879–1953) становится единоличным лидером большевистской партии, «вождем, отцом и учителем». С политической сцены уходят самые опасные его соперники Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин. Однако вне его неусыпного контроля оставалась еще идеология, и он разворачивает решительную борьбу и на этом фронте. Начало этому положила его речь «К вопросам аграрной политики в СССР», произнесенная им 27 декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов. В ней, говоря о «практических успехах социалистического строительства», Сталин в то же время отметил, что этого же нельзя сказать о «нашей теоретической работе».

«Более того: надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма»¹.

Естественно, что сразу встал вопрос о состоянии философии. В ней к тому времени выявились два основных течения – *механицистов* и *диалектиков*. Механицисты (И. А. Боричевский, А. И. Варьяш, В. Н. Сарабьянов, И. И. Скворцов-Степанов, К. А. Тимирязев), беря на вооружение тезис Маркса о том, что в будущем философия «может, в лучшем случае, стать суммированием наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей»², приходили к заключению, что, во-первых, марксистская философия – это последние и наиболее общие выводы современной науки и, во-вторых, что общие законы, сформулированные естествознанием, имеют общепhilosophическое значение. Им возражали диалектики, возглавляемые А. М. Дебориным. Опираясь на соответствующие высказывания Энгельса и Ленина, они доказывали, что основная задача философии состоит в разработке теории материалистической диалектики, которую, на их взгляд, «совершенно неправильно противопоставлять... изучению важнейших проблем социалистического строительства»³.

Сталин прекрасно сознавал, что оба указанных подхода руководствуются потаенным стремлением вывести философию из-под

¹ *Сталин И.В.* К вопросам аграрной политики в СССР // Соч. В 13 т. Т. 12. – М., 1953. С. 142.

² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. – С. 216.

³ Цит. по: *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // Вопр. филос. № 10. 1991. С. 80.

опеки официальной большевистской идеологии. Поэтому он принимает безоговорочное решение «перекопать навоз» и механицистов, и диалектиков, с тем, чтобы самому стать творцом «философии марксизма-ленинизма». Результатом этой его деятельности явилась статья «О диалектическом и историческом материализме», опубликованная в сентябре 1938 г. Мастер предельных упрощений, «гениальный мыслитель всех времен и народов» представил «научную философию» в виде простых и легко запоминающихся формул, которые на целые десятилетия закрепились в советизированном сознании «строителей коммунизма».

Вот, к примеру, как трактуется им проблема диалектики. Прежде всего отмечается, что хотя «Маркс и Энгельс ссылаются обычно на Гегеля, как на философа, сформулировавшего основные черты диалектики», «это, однако, не означает, что *диалектика* Маркса и Энгельса тождественна диалектике Гегеля»¹. Они взяли из нее лишь «рациональное зерно», отбросив всю ее «идеалистическую шелуху» и придав тем самым ей «современный научный вид».

И далее говорится: «Диалектика происходит от греческого слова “диалого”, что значит вести беседу, вести полемику. Под диалектикой понимали в древности искусство добиться истины путем раскрытия противоречий в суждении противника и преодоления этих противоречий. В древности некоторые философы считали, что раскрытие противоречий в мышлении и столкновение противоположных мнений является лучшим средством обнаружения истины. Этот диалектический способ мышления, распространенный впоследствии на явления природы, превратился в диалектический метод познания природы, который рассматривал явления природы, как вечно движущиеся и изменяющиеся, а развитие природы – как результат развития противоречий в природе, как результат взаимодействия противоположных сил в природе»².

В этом рассуждении Сталина нет даже намек на необходимость «материалистического прочтения Гегеля», о котором писал Ленин в «Философских тетрадах». Все понимание диалектики сводится к формально-логическим приемам полемики, без уяснения того, как можно распространить их на изучение природы. Сталину было в высшей степени чуждо всякое интеллектуальное глубокомыслие, и он без сожаления устранял из философии любые метафизические «каверзы». Ему было достаточно знать, что «для диалек-

¹ Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. – М., 1945. С. 535.

² Там же. С. 536.

тического метода важно прежде всего не то, что кажется в данный момент прочным, но начинает уже отмирать, а то, что возникает и развивается, если даже выглядит оно в данный момент непрочным»¹, поскольку это раскрепощало волю и освобождало от ответственности за произведенные деяния. Поэтому из всех законов диалектики он настойчиво выдвигает на первый план только закон перехода количественных изменений в качественные, который рассматривает процесс развития «в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию... в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений»². И в этом случае он шел вразрез с мнением Ленина, который «ядром» диалектики считал учение о единстве противоположностей.

Конечно, за всем этим скрывались личные амбиции «вождя народов», но вместе с тем следует признать, что общество, которым ему довелось руководить, само было исполнено «царистских иллюзий» и при отсутствии какой бы то ни было открытой оппозиции охотно принимало его «мудрые» наставления. Как писал один из его клеветников, «сейчас, когда мы хотим думать о развитии марксистско-ленинского учения, мы по этому вопросу имеем правильное понимание, данное нам тов. Сталиным, – это есть точка зрения, которая исходит действительно из понимания марксизма в целом и в частности диалектического материализма как живого развивающегося учения»³. Несмотря на многократные попытки исправить позднее положение с диалектическим материализмом, ситуация так и осталась без особого изменения, демонстрируя бесплодность самой идеи создания «материалистической Логики с большой буквы».

3. Толчком к расслоению советской философии и появлению философского сциентизма, как было сказано, становится начавшийся кризис социализма в СССР.

а) Сознание этого кризиса ясно прослеживается в партийных документах. Так, XX съезд КПСС (1956) по существу констатировал *не-социалистический* характер того общества, которое возникло в условиях культа личности Сталина, или «сталинокрапии» (термин Г. П. Федотова). В специальном постановлении подверглась осуждению «ошибочная формула Сталина о том, будто бы по мере продвижения Советского Союза к социализму классовая борьба будет все

¹ Там же. С. 537.

² Там же.

³ Из доклада М. Б. Митина на II конференции ОВМД (12 марта 1931 г.) // Ре-прессированная наука. – Л., 1991. С. 478–479.

более и более обостряться», хотя, как утверждалось далее, социализм к тому времени «уже победил в нашей стране» и «эксплуататорские классы и их экономическая база были ликвидированы»¹. Сам собой напрашивался вывод, что сталинский режим привел если не к полному уничтожению, то, во всяком случае, к резкому ослаблению позиций социализма в СССР. К большому огорчению руководителей Советского государства, к такому же выводу начинают приходиться и зарубежные коммунистические партии, в частности, Китая, где пытаются открыто подменить советский марксизм-ленинизм собственным маоизмом². Та же ситуация наблюдается в Северной Корее. Там коммунисты объявляют себя кимирсенистами. В одном пхеньянском издании на этот счет утверждалось: «Если в середине XIX века было течением времени изучение марксизма, а в начале XX века главной тенденцией явилось быть приверженцем ленинизма, то сегодня могучим, ничем неудержимым течением времени стало изучение и усвоение кимирсенизма»³. Идеологам советского коммунизма не оставалось ничего другого, как с сожалением признать несомненную правоту тех «товарищей», которые с разочарованием констатировали факт «крушения социализма» в СССР. «Если говорить откровенно, – сказано в одном из последних партийных документов, – мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»⁴. Таким образом, одновременно с кризисом социализма в СССР происходит и разложение единства всей мировой коммунистической системы.

б) В такой обстановке сперва на обочине официального «марксизма-ленинизма», а затем и вполне легально формируется новое направление советской философии – *философский сциентизм*, который выводит русскую мысль из тисков сталинского примитивизма, поднимая ее на уровень общеевропейского интеллектуально-духовного развития.

Теоретическая концептуализация философского сциентизма была дана *Александром Александровичем Любичевым* (1890–1972), выдающимся мыслителем, крупным специалистом в области агробиологии.

¹ «Правда» от 2 июля 1956 г. № 184. – С. 1.

² См.: *Брежнев Л.И.* Коммунистическое движение вступило в полосу нового подъема // *Брежнев Л.И.* О коммунистическом воспитании трудящихся. Речи и статьи. – М., 1974. С. 250.

³ Всемирно-историческое значение идей чучхе. – Пхеньян, 1974. С. 6.

⁴ *Андропов Ю.В.* Речь на Пленуме ЦК КПСС (15 июня 1983 г.) // Избр. речи и статьи. – М., 1983. С. 294.

Он родился в семье коммерсанта, занимавшегося экспортом леса. В 1911 г. окончил Петербургский университет по разряду естественных наук (группа биологии). Долгое время работал в периферийных вузах – Крымском, Пермском, Самарском, основательно занимаясь при этом проблемами этнологии. В 1930 г. был приглашен в Ленинград в качестве научного сотрудника Всесоюзного института защиты растений; здесь ему за совокупность работ присуждается степень доктора сельскохозяйственных наук без защиты диссертации. Затем он принимает предложение о работе в Институте биологии в Киеве, но начавшаяся вскоре война вынуждает его эвакуироваться во Фрунзе, где он оставался до 1950 г. Последний период его жизни (1950–1972) связан с Ульяновском, куда он переезжает после избрания на должность заведующего кафедрой зоологии местного Педагогического института. Этот этап жизни оказался для него наиболее плодотворным в творческом отношении: здесь им были написаны все его основные философские и науковедческие труды, в том числе две большие монографии: «Наука и религия» и «Линии Демокрита и Платона в истории культуры», изданные уже в постсоветское время. В архиве ученого сохраняется еще множество неопубликованных материалов.

В многочисленных статьях и письмах, неутомимо рассылавшихся им в редакции различных газет и журналов и, разумеется, нигде не печатавшихся, Любичев решительно высказывался против контроля за наукой со стороны партийных «философских нянь».

«Марксистской философии творческой, живой у нас нет, она полностью разрушена Сталиным, который думал за всех. Сейчас то, что называется философией, – это департамент препон и препятствий, предвиденный Салтыковым-Щедриным, “Центропулс” Маяковского»¹.

Любичев считал бессмысленным само разделение философии на материализм и идеализм, видя в этом элементарное непонимание логики познавательного процесса. В действительности же, полагал он, имеет место обычная «неустойчивость», «расплывчатость» философских воззрений, сопряженная с приблизительностью, относительностью наших знаний. Различные философские системы не только порождаются общим ходом развития науки, но и запечатлевают в себе ее достижения и недостатки. Это создает соперничество внутри самой философии, которое никак не связано с борьбой за материализм или идеализм. Споры в философии отражают различ-

¹ Любичев А.А. К столетию со дня рождения Мичурина. Открытое письмо // Любичев А.А. В защиту науки: Статьи и письма. – Л., 1991. С. 153.

ные подходы к познанию мира, и с этой точки зрения идеализм оказал науке даже большие услуги, нежели материализм. Поэтому если во всяком идеалисте видеть непременно только «реакционера», то придется и всю науку признать «реакционной», поскольку главные ее творцы были по преимуществу идеалистами. Не составляет исключения и исторический материализм, иронизирует Любичев, ведь и его «зачатки имеются у блаженного Тертуллиана», о чем сообщается «даже в “Истории философии”, изданной Институтом философии»¹. Одностороннее же насаждение материализма привело к «оскудению нашей философии», а вместе с ней и к деградации самой советской науки².

Как видно из рассуждений Любичева, он стоит на точке зрения философского понимания научного творчества. Однако из «двух линий» в философии – Платона и Демокрита – он выбирает «линию Платона», т. е. линию идеализма, признавая ее наиболее удобным подспорьем в развитии научных знаний. Все дело, на его взгляд, в том, что материализм ни в коей мере не стимулирует процесс познания, оставляя за собой лишь сомнительное право изобличать всевозможные «сентиментальные иллюзии». Другое дело – идеализм. В нем есть то, что крайне важно для всякой науки, а именно признание «призрачности» мира, т. е. его недоступности для полного и всестороннего «схватывания» в теоретическом мышлении. Познание действительности осуществляется не по принципу «монотонного» восхождения от истины одного порядка к истине другого порядка, как это думают материалисты, а по принципу «перехода из одного этажа в другой», причем, замечает Любичев, «для работы в пределах одного этажа философского обоснования не требуется»³.

«Но чтобы проделать переход в новый этаж, требуется отрыв от привычных представлений, пересмотр укоренившихся понятий, полный отрыв от требования обязательного “отображения” внешнего мира. Идеалистическая философия для этого несравненно пригоднее, чем материалистическая, так как она принимает призрачность нашего мира явлений, независимо от характера идеалистической философии. Объективный идеализм постулирует существование иного, непризрачного мира, а субъективный утверждает (в первом приближении), что никакого мира, кроме призрачного, вообще не существует. Понятно, почему творчество идеалистов несравненно разнообразнее и

¹ Там же. С. 162.

² См.: Там же. С. 197.

³ Любичев А.А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. – СПб., 2000. С. 94.

свободнее, чем творчество материалистов. Пробившись в новый этаж, пионер науки создает новую систему плодотворных аксиом и с этой системой можно уже работать без всякой философии»¹.

Таким образом, философия у Любищева занимает «межэтажное» положение, в соответствии с чем она должна содействовать адаптации старых теорий из «нижних этажей» к изменившимся условиям познания в «высших этажах». На этом основании он признает «устаревшим» прежний позитивизм, отвергавший всякое значение философии для науки. Наука не может быть «сама себе философией», ее необходимо всякий раз создавать заново, но делать это должны «прежде всего сами ученые, а не философские гувернантки, поставленные над учеными»². Или, во всяком случае, это должны быть философы, у которых достаточно «образования в настоящей науке»³.

Идея «многоэтажности» науки предполагала, что в истории познания мира не существует «абсолютных провалов», бесплодных периодов для современной науки. Но для того, чтобы стала очевидна преемственная линия, необходимо «найти синтез из накопившихся противоречий», который смог бы устранить голое отрицание «того или иного положения, хотя бы и приводящего в определенных условиях к ошибочным выводам»⁴. Это означало возрождение старых приемов мышления «на повышенном основании», т. е. в формах адекватной требованиям самой науки теоретической философии.

Поясняя свою мысль, Любищев приводит аналогии из развития точных наук: «Алхимики утверждали превращение элементов друг в друга. Точная химия, начиная с Ломоносова, Лавуазье и других великих химиков, отвергла это положение и построила блестящее здание химии на базе учения о постоянстве элементов. Сейчас учение алхимиков восстановлено на повышенном основании. Даже некоторые конкретные утверждения алхимиков (генетическая связь серебра и свинца) принимаются современной наукой. Значит ли это, что всю работу химиков (от Ломоносова до Менделеева включительно), признававших постоянство элементов, надо отвергнуть как ненаучную, метафизическую и вернуться к алхимикам? Конечно, такой абсурд ни один современный ученый не предложит. Ошибочное учение об абсо-

¹ Там же.

² Любищев А.А. О положении в биологии и агрономии // Любищев А.А. В защите науки. – С. 245.

³ Любищев А.А. Письмо И. Л. Кнунянцу от 21 января 1955 г. // Там же. С. 67.

⁴ Любищев А.А. Об аракеевском режиме в биологии // Там же. С. 35.

лютом постоянстве элементов сыграло положительную роль, так как в условиях применения тех приемов, которые были в распоряжении ученых 18-го и 19-го веков, элементы действительно постоянны, алхимики же слишком понимали задачу превращения элементов. Прогресс точных наук всегда основан на том, что при самом радикальном изменении основных постулатов того или иного явления рабочий аппарат законов и формул используется: он уточняется, исправляется, обогащается, устанавливается связь с другими законами и проч., но никогда не отбрасывается целиком»¹.

Обосновывая принципы философского сциентизма, начинавшего все более распространяться в советской философии, Любищев не только стремился преодолеть антиметафизический настрой старого позитивизма, но и содействовать возрождению национальных традиций отечественного любомудрия, начисто заглушенных господством коммунистической идеологии. В русле философского сциентизма возникают самые разные направления и течения, которые с новой силой возрождают самобытные традиции отечественного любомудрия.

¹ Там же. С. 36.